

Юрий КИТАЕВ

Юрий Китаев родился в Москве, работал инженером, слесарем, учителем и др. Публиковался в журналах «Топос», «Знамя», «Нева»; предыдущая публикация в «Волге» – рассказ «Жизнь Новикова», №7-8, 2022.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО

Никогда не оконченный роман

Не диагноз красит человека, а человек диагноз

Глава 1.

1.

Дождь бил в барабан.

То есть он, конечно, не бил в барабан, это только так говорится, а просто он колотил по оставленному в углу строителями пустому перевернутому ведру. И это даже не сам дождь колотил, дождь не мог так громко стучать, хотя и сильный был дождь. По пустому ведру грохотала падающая с крыши вода. Водопад.

В доме и во всем дворе шел ремонт. Ремонт начался давно и продолжался, то обостряясь, то затухая, уже довольно много лет, с 90-х, наверное, годов, и конца ему не предвиделось.

Начинали одно, заканчивали, потом ремонтировали какую-нибудь другую часть, подъезд или этаж, пристройку или крыльцо, кусок стены или крышу. Или внутреннюю отделку в каких-нибудь помещениях, или просто меняли сантехнику, и так до тех пор, пока возникала потребность или просто принималось решение переделать или переменить что-нибудь недавно отремонтированное.

У дома много хозяев. Вернее, арендаторов. Теперь это так называется. А настоящего хозяина, или хотя бы официального, кажется, вообще никто не знает.

И возраст у дома неопределенный. Разный.

Самую старую часть возвели, наверно, в первой половине XIX века (стены больше метра толщиной), надстройку над ним сделали лет на пятьдесят позже, другое крыло, пристроенное к нему углом и выходящее на другую улицу, относится где-то к началу XX века... Но – не модерн.

Еще кусок из белого силикатного кирпича приделали в 60-е годы, при Хрущеве.

Еще зачем-то неизвестно когда и непонятно зачем возвели на углу небольшую кирпичную башенку.

Я и сам не все его устройство («географию») знаю. И не всех соседей знаю, кто где обитает. Мало кого из окружающих знаю... Зачем мне чужие страны?

У меня своя территория: Вход со двора. Во втором подъезде на первом этаже, высоком. Вроде как бельэтаж...

Маленькая, пять ступенек, лестница.

Дверь. Вешалка (т.е. гардероб), но без гардеробщика, все сами вешают, а я только смотрю, чтоб никто не ушел в чужом, а чаще и не смотрю, пока никто еще не пытался в чужом уйти, даже по рассеянности, что вообще-то странно: многие уходят от нас в

довольно-таки расстроенных чувствах. Правда, тогда я иногда по добросердечию и из человеколюбия помогаю одеться. Хотя бывает и наоборот: некоторые очень даже возбужденно-радостные выходят.

Дальше гостиная с диванами, санузел, приемная, комната хозяйки и три кабинета.

В одном – УЗИ, в другом делают аборты, в третьем восстанавливают девственность.

И я все это сторожу: охранник – 1/2 (сутки через двое).

С приходящими я общаюсь по-разному. Иногда почти откровенно неприязненно, на самом краю минимальной вежливости. Иногда, наоборот, я весь сердечность, предупредительность и честная готовность всем и во всем, чем могу, помочь. Чаще, конечно, бывает что-то среднее между двумя этими крайностями.

Это не совсем лицемерие. От того, кто приходит и как я лично к ним отношусь, это далеко не в первую очередь зависит.

Все дело во мне самом, в моем настроении и состоянии, а характер у меня переменчивый.

Одно дело, когда я устал и мне все надоели, или просто нарушают мой покой, уединение, относительное одиночество, автономность, мечты и грезы, невидимую работу, которая, хочу я или не хочу, совершается во мне, в организме, в душе и в разуме... Совсем другое, когда я от себя устал, как бы заскучал немного (перерыв в мысли), и они (кто приходят, посетители, посетительницы) меня развлекают: тогда я для них самый добрый ангел...

...А иногда мне просто нравится всех любить. Это хуже всего. Это состояние крайней гордости, самодовольства, самонадеянности, суетности и вранья: я люблю ближних и люблюсь тем, как хорошо это у меня получается. Я люблю свою любовь.

О нашем учреждении (фирме) есть объявление в газете (и в сети):

«от 0 до 1000 рублей. УЗИ. Анализы. Аборты. Восстановление девственности. Для граждан СНГ. От метро 100 м. 8 (925) 182 11 16. Лиц. № 77-01-003553 от 29 12 07»

Здесь, конечно, вкралась ошибка. Правильней было бы написать: «для гражданок». Но, как известно, что написано пером, того уже никаким топором не вырубить.

Естественно, приходят к нам большей частью женщины. Хотя бывает по– всякому.

Хозяйка Елена Львовна красит губы, красит волосы, часто и хорошо улыбается и выглядит лучше и моложе своих лет.

В кабинете у нее много картин, книг и икон.

Мне многое нравится в ней, мне в ней почти все нравится, но у нее есть один существенный *недостаток*. Мы с ней знакомы и дружим уже страшно давно, поэтому у нас много общих знакомых и даже друзей, и поэтому я ее отчасти боюсь: случись между нами что-нибудь слишком близкое, это тотчас разнесется по всей «Руси Великой» и станет предметом ненужных и досужих разговоров.

А зачем это мне? Я этого не хочу и боюсь. Могут подумать, что я пользуюсь ее благополучием для поправки своего незавидного положения.

Так что мы просто дружим, и я у нее работаю. И не более того.

Главный в нашей фирме (и в доме, и во дворе, да и на улице, наверное, и на соседней тоже), конечно, я.

Это совершенно естественно: Просто я здесь единственный настоящий сумасшедший.

Причем давно, возможно, с самого детства.

Конечно, пока я жил, я успел уже научиться довольно ловко прятаться и притворяться вменяемым и нормальным, так что я сам иной раз забываю, кто я на самом деле такой и каков я есть, и тогда, случается, природа берет свое, и тогда конспирация нарушается. Я знаю, как это опасно и какие бывают последствия, но не всегда могу с собой совладать.

Однажды я лежал в больнице. В самой обыкновенной, районной.

Я, конечно, сумасшедший, но в соответственной сумасшедшей больнице никогда не был.

Во-первых, потому что боюсь и притворяюсь нормальным, во-вторых, потому что противно и притворяюсь...

Я лежал в самой обыкновенной районной больнице – обследование по поводу сердца, и ничего не нашли, сказали: здоров.

Как-то вечером к нам в палату пришел новый пациент, инвалид 2-й группы (после перелома ноги), и еще ему в прошлом году заезжие таджики сожгли спину: просто вылили на него сзади какую-то горючую жидкость, отработку или солярку, и подожгли. Перепутали с кем-то. Он был, как он сказал, «не при делах». Но в больницу он не поэтому попал... В общем, хороший парень.

Мы с ним познакомились, покурили на лестнице, угостили друг друга чаем и так далее, и он мне предложил, между прочим, газету: не хочу ли я почитать? – Свежая.

Простая газета. Цветная. «Комсомольская правда».

Я вежливо взял и одолел ее примерно в три минуты. Ничего особенного.

Но на последней странице там была колонка анекдотов, и один из них поразил меня до глубины души. Пробил череп, задел мозг, разбил сердце.

Анекдот простой, в виде диалога, я запомнил его наизусть и теперь часто сам себе рассказываю:

«– Скажите, когда и как вы впервые поняли, что вы – Бог?

– Очень просто: я заметил, что когда молюсь, я все время разговариваю сам с собой».

А потом я устроился работать сторожем (охранником) в наш старый странный дом, в медучреждение к своей старой доброй знакомой Елене Львовне.

Просто мне нужны были деньги.

Я понимаю, что если нет денег, устраиваться на работу не лучший выход, не самое простое и не самое естественное решение, но ничего другого по лености и по сумасшествию я тогда придумать не смог и пока так остался.

Как я уже упоминал, наш сложносочиненный дом стоит на углу, на перекрестке, выходит на две улицы, и по обеим ходят троллейбусы. Днем они сливаются с общим городским шумом, разве звонко падают иногда усы токоприемника, но ближе к ночи, когда я непосредственно сторожу и укладываюсь спать, они как будто одни остаются на улице, и так сладко негромко поют, ускоряясь и убегая вдаль.

Это одна из моих любимых мелодий.

Разве трамвайный звон может с ней сравниться. Или железная дорога вдали.

Ах, троллейбусы, все такие синие, такие последние, такие случайные.

Каждый по-своему последний, и каждый по-своему случайный.

2.

Бывают, встречаются, попадаются в жизни такие балбесы, которые думают, что осень это чепуха, пустяки и ничего особенного. Это не правильно.

Осень это очень даже не чепуха. Осень это грустно, это слишком грустно, чтоб можно было думать пренебрежительно.

Большой мокрый лист с клена упал на камни двора так громко, что я даже вздрогнул и обернулся. Увидел, что это просто лист упал. Мне стало страшно. Скоро ведь они все так упадут, а до следующих доживем ли?

В лесу, наверно, скоро будет совсем красиво... Там эта осень дикая, желтая, цвета песчаной пустыни, только мокрая и холодная...

Но: неприятна мне *твоя прощальная краса... и ни золото, ни в багрец одетые леса* я не люблю.

Потому что: Увяданье!.. – А *пышное* оно или *не пышное* – мне все равно. Зима впереди на грустные и трудные мысли наводит.

3.

Жизнь прекрасна и удивительна. И человек в ней при всей своей обыкновенности и вычислимости никогда до конца не понятен.

Безумен – непредсказуем.

И самые случайные обстоятельства складываются иногда так, что их очень трудно считать случайными.

Ходят по морю волны, ходят по небу тучи, а по городу ходят курьеры (40 тыс. штук, если верить Гоголю), носят письма, почту, документы, журналы, на которые есть подписка, и всевозможную рекламную дрянь.

1:1000. Предполагается, что на тысячу населения у нас приходится один дурак, который рекламе внимает и реагирует. Это сколько ж мирных граждан должны *это* получить, чтоб один дурак отозвался! Никаких сорока тысяч курьеров не хватит. А бумаги какая пропасть переводится...

Может быть, у нас дураков больше? Не может быть, чтоб на тысячу населения только один дурак был... Но курьеров все равно страшно много.

Заходят они и к нам, ко мне.

То есть мне они, конечно, совсем не нужны, но в мои обязанности входит принимать от них приносимое, расписываться, а иногда даже ставить печать.

Вообще-то мы работаем до восьми. Потом все уходят, уборщица убирается и тоже уходит (иногда она приходит убирать утром), а я закрываюсь и остаюсь один. Один на один с собой. Не считая книг и мечтаний. Или здорового сна.

Иногда немного песен и музыки. У меня мало записано, только: «Окрасился месяц багрянцем...», «Катка-десантница», Свиридов, Телеман и «Кирпичики».

Да, еще воспоминания. Но в последнее время я стараюсь их от себя гнать. Не потому что неприятно, мучительно и т.д. Нет. Просто я говорю себе: «Я еще не настолько стар, чтобы вспоминать. Мне еще не семьдесят лет...»

Но однажды в пятницу курьер явился совсем поздно, в десятом часу. Сначала я ему даже открыть не хотел. Подумал еще, что это наши нескончаемые строители снова что-нибудь или кого-нибудь забыли или потеряли.

А он, оказывается, опаздывал, не успевал, слишком много было работы («адресов») и крайне неудобно было брать свою поноску на выходные домой.

Я принял пакет с иллюстрированным журналом «Новости налогообложения» и очередной фармацевтической рекламой, и уже готов был поставить ему автограф в ведомости и закрыть дверь, но взгляделся в него внимательней, и лицо его показалось мне знакомым.

– Постой... Зайди... – Курьер остановился. – То есть, простите... Зайдите, пожалуйста...

Я был, наверное, страшен на вид. В черной униформе, на боку кобура с травматическим пистолетом (так полагалось на ночь).

Усталый, мокрый от дождя курьер смотрел недоверчиво, подозрительно и почти враждебно.

– Вот сюда. – Мы прошли в гостиную. – Присядьте, пожалуйста... Чаю?

Я нажал электрический чайник:

– Вас ведь Виктор Васильевич зовут?

– Да...

Когда-то давно, в молодости, убегая от военной службы в стройбате (в другие войска меня не взяли бы по зрению или по сумасшествию), я учился в технологическом институте с военной кафедрой, а Виктор Васильевич, сегодняшний курьер и мой неожиданный гость, преподавал у нас теплотехнику.

Сколько лет прошло, я его едва узнал, а он меня тем более. Даже если б я был одет по-человечески ...

– Если вы не очень спешите, может быть, мы чаю выпьем? Отдохнете, согреетесь? Сделайте одолжение... – Я достал из шкафа заветную посудину. – Медицинский. Разведен градусов до шестидесяти. Имбирь, травы...

– Вообще-то спешить мне сегодня особенно некуда... Но откуда вы меня знаете? Я вас, простите, никак не могу вспомнить... Хотя... Ваша не Жнецов фамилия?

– Нет, не Жнецов. Я все сейчас расскажу. Давайте плащ. Вот тапочки. Ботинки – на батарею.

Мы как-то слишком торопливо выпили, и я сообразил, что мой поздний гость, скорее всего, не только замерз, промок и устал, но и проголодался. Я заварил чай, нашел печенье, сыр, даже сгущенку нашел. Все это как-то смешно и беспомощно столпилось на столике.

– Из горячего, увы, могу только «Ролтон» предложить: это такая лапша с китайским акцентом.

– Спасибо, спасибо... Но где все-таки мы познакомились? Вы не учились у меня?

– Ну, да... Теплотехника. До сих пор помню: $dS = dQ/T$ и $S = k \ln W$... Энтропия...

– Ах, да.. Теплотехника... А я и забыл про нее... Давно это было.

– Так вы еще что-нибудь преподавали?

Виктор Васильевич засмеялся:

– Было дело.

– А что, если не секрет?

– Чего я только не преподавал... Про иные вещи и вспомнить стыдно... Энтропия... Энтропию преподавал... А если можно, давайте еще понемногу...

– Да, конечно, только вы кушайте...

Видно было, что мой старый преподаватель теперь не в самых лучших жизненных обстоятельствах.

Возраст как бы сам собой предполагает определенную неблагополучность, но быть курьером в наше время, в холод, в дождь, среди всеобщего хамства, высокомерия и жадности – это совсем не весело. И он действительно хороший человек, и наверняка лучшего достоин... Хотя нам ли судить...

Дело не только в том, что Виктор Васильевич преподавал у нас теплотехнику и, судя по всему, неплохо преподавал: еще недавно я довольно много мог вспомнить из этой страшно неточной, смешной и грустной науки...

Увы, мы, студенты, держа в памяти, конечно, что «атом, несомненно, – кирпич мироздания», и про выпивку не забывали... Да, пили, а иногда даже и злоупотребляли, так что и тогда уже случались от этого всякие недоразумения.

Известно ведь: «С похмелья многие скорби бывают».

4.

Наш, в те годы довольно скромный, технологический институт (теперь, разумеется, *университет*, правда, в отличие от большинства других, настоящий, и не из последних) располагался вблизи другого, уже и тогда совсем не скромного и далеко не всем доступного – медицинского, в который небогатым детям (или детям небогатых) и тогда уже (исключительно бесплатное образование) поступить было затруднительно. Собственно, в одном дворе мы располагались, только наш вход с улицы был, а у них со двора.

От этого в некоторых помещениях нашего института находиться было порой не совсем уютно: то и дело слышно было (особенно громко почему-то зимой и по утрам), как лают, стонут, скулят невинные жертвы науки: кошки и собаки медицинститутского вивария.

– Слышите? – почти каждый раз говорил какой-нибудь студент, а чаще студентка. – Соба-ки...

И при этом почему-то улыбались: смущенно, застенчиво, грустно и глубококомысленно.

Или наоборот делали страшно трагическое и безнадежное лицо: «Слышите? Соба-ки...»

Все понимали, что это не просто собаки, а обреченные. Собаки-жертвы: на них опыты будут делать. Зверские, мучительные, смертельные опыты...

Или просто будущие медики будут на них учиться резать...

Мы все тогда были еще молодые, нам было не просто жалко обреченных собак, мы как будто чувствовали себя почему-то виноватыми в животных страданиях: сопереживали, представляли, каково было бы быть в их шкуре и на их месте.

Если б могли, конечно, мы с радостью освободили бы их всех. Но: «*это нужно науке*».

Однако когда одолевали свои заботы и беды, в то время еще несоразмерно меньшие, конечно, сравнительно с «животными»... Настоящей «собачьей жизни» мы еще не знали тогда и не предполагали даже, какая она бывает...

Огромное Свое волновало нас гораздо больше маленьких, потому что не-Своих, собачьих частей...

А еще, чего греха таить...

Была в этой нашей к собачкам жалости еще одна и чисто человеческая подловатость.

Мы-то в ней, конечно никогда б себе не признавались, но она была.

Была и есть. И никуда не деться от этого.

Подопытных собак из вивария мы, все же, конечно, жалели.

Конечно, жалели...

И даже, страшно подумать, порой больше жалели, чем друг друга... Чем близких, домашних, родственников...

По их-то адресу не посострадаешь так безответственно: «Слышите?.. Соба-ки...»

В один трудный пасмурный зимний день собачий вой показался мне особенно невыносим.

...Пили мы. Пили. И в институте тоже. Чаще, конечно, ближе к вечеру.

На успеваемость и на успехи вообще (равно как и на неуспеваемость и на неуспехи) это как будто тогда еще не слишком влияло. Но неприятности случались...

Многие металлы, и железо, и медь, и другие хорошо выпадают из раствора в осадок в виде сульфидов (FeS, CuS, PbS, HgS).

Для их осаждения исследуемый раствор продувают сероводородом.

Вот мы и дули. На дно пробирок неукоснительно падал черный осадок. Стремительные центрифуги разделяли взвесь. Но, несмотря на хорошие вытяжки, от которых по всем этажам всегда зимой и летом был гул и сквозняк, сероводородная вонь в аналитической лаборатории стояла страшная.

А от сероводорода выпадало в осадок не только то железо, которое было в растворе, в пробирке, но и то, которое у нас в крови, в гемоглобине. Так что к вечеру от аналитической химии (качественный анализ) головы у нас болели очень даже чувствительно.

Да, и не только сероводород... Одна очумевшая от химии девочка ухитрилась даже безо всякой тяги, просто на столе концентрированную серную кислоту выпаривать...

По причине вредности нам давали молоко в тетраэдрных пол-литровых пакетах, и это помогало, но мы опытом дознали, что сухое вино эффективней.

Однажды вечером, очумев и расшалившись, мы с Сашей Ковровым собрали и слили весь спирт из маленьких колбочек (на столах стоял «для науки»), плюс сухое (которое от вредности), плюс еще чего-то...

Потом, то смеясь, то грустя, шарахались по всему главному корпусу: физхимия, органика, теплотехника, еще чего-то...

А утром я обнаружил, что свою сумку с книгами и тетрадами я забыл в институте.

За вином выходил в тот вечер не я, а Саша Ковров, а когда уходили, у самых дверей я пытался от избытка чувств обнять однокурсницу Наташу. Я знал, что я ей не совсем противен, и от избытка чувств пытался обнять, и при этом – точно помню – руки у меня были свободны, значит, сумки не было. Значит, сумка могла быть потеряна только в институте.

Так что надеяться мне было не на что. Разве на чудо.

Что теперь будет?

Я уже и о родителях подумал: и у отца на работе могут быть из-за меня неприятности...

А в соседнем здании, в виварии жутко выли обреченные подопытные звери...

Тут, как сказал бы, может быть, Федор Достоевский, следует объясниться.

Дело в том, что в той моей дурацкой сумке кроме пары беспорядочных условно-учебных тетрадок (плюс одна «по военной кафедре» – подписанная!), да нескольких скромных, переплетенных по-тогдашнему в зеленое томиков – всего-то: «Доктор Живаго», Ходасевич и Ницше, был еще перепечатанный на машинке «Реквием» Ахматовой и несколько новых, машинописных тоже сочинений. Насколько я теперь понимаю, новые произведения эти были более чем сомнительного эстетического достоинства, но – откровенная антисоветчина. И еще в одной из своих «школьных» тетрадок я собственноручно написал: «Исторический материализм – это вовремя все пронитровать»...

А еще там была зачетка, с фамилией и фотографией, и, хуже того, записная книжка, а в ней столько телефонов – и Наташи, и Ольги... И адреса, и имена...

Конечно, может быть, мои страхи были страшно преувеличены, но я же сумасшедший, у меня все гипертрофировано: даже трусость...

Так или иначе, но я уже очень ясно представлял себя в соответствующем учреждении, в соответствующем кабинете и почему-то ночью... Хотя с какой стати ночью?

При желании какую-нибудь статью мне могли придумать: хранение, распространение (антисоветской литературы, то есть «содержащей сведения, порочащие советский государственный и общественный строй»)...

А что я буду говорить? И как мне объяснить, где я все это взял, никого не сдав и не назвав? На улице нашел? Так у меня и дома много еще всего всякого было... Срочно все жечь, уничтожать улики и замечать следы?..

Я уже и самое гнусное представлял: будут предлагать «сотрудничество» в обмен на то, что пообещают оставить в покое... Мы уже довольно-таки о многом знали тогда... И что я могу против этого? Только под поезд лечь. Ведь не арестуют же сразу... Значит, под поезд успею.

Мне и прежде случалось по ночам, когда бывала бессонница, услышав, как хлопнет в подъезде дверь, вздрагивать: не за мной ли?

Что это? Генетическая память? Эхо недавней эпохи?

...Из дома, где я вырос, обычного, в сущности, четырехэтажного дома, соответствующие годы примерно половина жильцов просто исчезли и не вернулись... И об этом тоже я уже тогда знал.

Мы ведь с товарищами не только пили и неофициальные книги друг другу передавали (хотя и это: «распространение» – тоже уже статья), мы еще и, собираясь, говорили о многом, о чем не принято было, вернее, наоборот, принято было, но считалось противозаконным («пропаганда»), и специально собирались, чтобы говорить...

На реальную антисоветчину это, конечно, вряд ли тянуло, но все же... Было бы желание, или для выполнения плана наши доблестные органы из ничего могли что угодно придумать и воплотить...

Однажды, когда мы расходились после очередного «соборания» (совершенно в духе Репетилова, но воодушевленно), один из нас, не выдержав избытка чувств, грубо и громко похлопал лысого Ленина по гипсовой башке... Это казалось так смело и весело...

Да-да, лысого Ильича по башке похлопал... Мы, «юные революционеры», собирались часто в очень официальных и идейно правильных местах: ДК, клубы. Так что Ильич у входа вполне естественно стоял. Все эти неофициальности в ту пору не только по квартирам существовали, иногда оформлялись в виде легальных «клубов по интересам», театральных, литературных, художественных, фольклорных, музыкальных, краеведческих студий, объединений и так далее.

Собственно, ничего особенного в этом не было: вся страна так жила... Случалось, что наши «духовные вожди» и вполне официальное жалование получали от каких-нибудь профкомов и месткомов.

А некоторые, может быть, иногда и не только от профкомов и месткомов... Гапоновщина, мы этого не знали тогда, бессмертна...

...Теперь-то я уже, к сожалению, не сомневаюсь, конечно, были в нашей «околотдиссидентской» братии и провокаторы от этих самых органов, и среди лидеров, и особенно даже среди «лидеров»... Они наверняка и теперь процветают... Кто-то тут, кто-то за границами... Чаше, конечно, за границами...

Я еще раз пробежал по институтским коридорам и комнатам (аудиториям), где был или мог быть вчера. Разумеется, ничего не нашел.

Просуществовал так до полудня. Потом вместо обеда пошел пить пиво в троллейбус.

Возле нашего института был троллейбусный парк. Все машины в депо и за кирпичной оградой не помещались, многие свободные от рейсов транспортные средства проживали на улице. Салоны не закрывались или закрывались чисто символически, так что в этих замечательных наших троллейбусах чего только не происходило. Здесь просто отдыхали, читали книги, разговаривали, готовились к экзаменам, пили пиво, выпивали, выясняли отношения, целовались и так далее.

О, эти наши троллейбусы! Кто споет о вас великие гимны!

Троллейбусы, все такие последние, все такие случайные, и каждый из них по-своему последний, и каждый по-своему случайный...

Время было холодное, и я со своим пивом сидел в троллейбусе один, и кажется, во всех троллейбусах один. Думал, дышал, радовался, сколько это было возможно. Думал, это, может быть, в последний раз.

Следующей парой была теплотехника. Я сначала не хотел идти. Пиво Хамовнического завода утешило и утишило. Все же пошел. Сел, положил голову на стол и закрыл глаза. Из беспечных однокурсников никого еще не было. И хорошо, что не было. Как они раздражали бы все в этот миг, именно этой своей счастливой беспечностью...

Кто-то вошел, я не поднял головы. Вошедший тронул меня за плечо. Это был Виктор Васильевич.

– Ваша фамилия Неувядаев?

– Да...

– Не стоит так это все разбрасывать.

И отдал мне мою сумку.

Каким-то двадцать восьмым чувством я понял тогда: теплотехнику мне можно теперь совершенно не изучать и не писать шпаргалок. Достаточный для получения стипендии балл все равно будет мне выставлен.

Раньше всего я почему-то именно об этом подумал.

Но так я поступить не мог, и теплотехника была в тот семестр единственным предметом, который я по-настоящему добросовестно изучал.

Виктор Васильевич теперь сидел напротив, и я ему это все рассказал. Он улыбался грустно и тихо, но видно было, что ему это приятно. И не то даже приятно, что он когда-то по-человечески поступил, а просто радостно было вспомнить прошлое, молодость, другое время, другую жизнь, такую бедную, такую смешную и – такую счастливую.

Мы еще выпили.

Про себя, про свое сегодняшнее, мне не очень хотелось рассказывать, не так хороши были мои обстоятельства, чтобы было чем хвастать.

Виктора Васильевича тоже не очень ловко было спросить. Курьерская должность, разнос совершенно не нужных и чужих ему бумаг, а скорее всего, вообще никому не нужных и всем чужих... Дожди, лужи, «ресепшены», по-кукольному раскрашенные секретарши... Расспрашивать о сегодняшнем было бы просто неделикатно...

Я все же спросил:

– А вы в институте еще долго проработали?

– Долго. Даже сам удивляюсь... И пьяный указ пережил, и все последующее. Перестройку и гласность. Смешно и страшно... Это как Честертон говорил: это действительно ужасно, потому что это Глупость...

...А бедность была такова, что даже ясное синее небо над городом и над страной казалось нищим. Весело было и страшно. Потому что глупо...

Неожиданно в дверь позвонили.

Этого не хватало!

Я же и входную дверь не запер, забыл. Хорош сторож!..

– Кто?

Пришел Костя, охранник из соседнего подъезда. У них там шикарный офис. Оптовая торговля бытовым камуфляжем, маскировочной и демаркировочной техникой.

Костя попросил сигарет: забыл.

Я вынес ему сигареты.

Кажется, он не заметил, что я немного выпил и что у меня гость.

А впрочем, плевать. Это ведь их профессия, все скрывать и все знать. Так пусть и думают, что они все знают. На самом-то деле они очень многого не знают. А вернее, совсем ничего не знают.

Я вернулся к Виктору Васильевичу.

– А дальше что?

– А дальше ничего. То есть все в том же духе. По нарастающей... На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь... Потом у нас и ректора убили. Но это уже без меня... Застрелили в подъезде. Говорят, на почве недвижимости... Площади в общежитии. В новом. Но это уже без меня. Я уже тогда в институте не работал. Выгнали. Как контрреволюционный элемент. Как защитника тоталитаризма, шовинизма и вообще фашизма...

– Как же так? Тогда же вроде в идеологическом плане терпимость была?

– Ну, да. И я терпимо. Только я принципиально поступил. Я аспиранту Граверманову морду набил. С экономической кафедры.

Аспиранта Граверманова я помнил. Помнил, что сука волчья.

Странно, у меня память теперь стала плохая совсем, я даже очень не чужих людей имена забываю. Все помню, и лицо, и манеры, и одежду, а имена забываю. А вот этого совсем не близкого мне аспиранта фамилия застряла в памяти, а физиономии не помню совсем.

Впрочем, я его в последнее время пару раз в телевизоре видел: он теперь в правительстве или где-то около. Способный человек.

– Как же вы могли такого светила науки ударить? Я его, как ни странно, помню. Он у нас какие-то семинары вел. Вдвоем с завкафедрой приходил. Такая была милая старушка...

– Ну, да. Лариса Валентиновна. Она и сама потом каялась, что этому прохвосту как бы путевку в жизнь выдала...

– Но, как же вы эту светилу науки ударили? Мне, правда, и самому хотелось когда-то, но я ведь ребенок был. Без ума-с.

– А очень просто. По пьяни.

Я сделал понимающую гримасу. Трудно, выпив, удержаться и не ударить такого светила науки...

А Виктор Васильевич продолжал:

– Отмечали день рождения замдекана электрического факультета. Банальное застолье. То есть торжественная часть и так далее... Пир во время чумы... Или чумки... Коньяк, венгерское сухое и т.д... До лабораторного спирта.

Грохот вилок и шум голосов.

А у нас в это время должны были избирать завкафедрой. Такая была демократия.

Аспирант Граверманов подпил и со стаканом ко мне подъехал. Стал про главного кандидата всякие гадости говорить. У Заборского, дескать, коммунистическое и пролетарское сознание. Рабское притом... Это про Заборского-то!

Я его долго молча слушал. Внимательно и с интересом. А он блял и блял, и все более расхотелся. «Вы же, – говорит, – как интеллигентный человек не можете со мной не согласиться... Вы же, – говорит наш человек...»

Вот этого я и не стерпел:

– Ваш, – говорю, – конечно, ваш... – и в челюсть его сбоку. Как учили.

Он упал. Может быть, скорее, от неожиданности...

Виктор Васильевич даже со стула встал, Такой счастливый и гордый стал. Радостно было смотреть...

– ...А я стою над ним, лежащим, и говорю: «Да, как ты смеешь, мразь, про Заборского что-то говорить и клеветать на честного человека, ты, сука, который и родился уже с комсомольским значком на груди и с партийными проработками в сердце...»

Тут женщины завизжали, мужики повскакивали...

«Успокойтесь... Что случилось...»

Ну, извиняться я даже минимально отказался. Пришлось «по собственному» написать...

Обвиняли меня почему-то не только в хулиганстве, но и в антисемитизме... Как когда-то поэта Есенина... Вот уж, поди пойми...

Ну, и ушел я... Ну, и все равно... Все равно этот институт был в моей жизни не более чем видимая часть айсберга...

Я слушал Виктора Васильевича жадно и радостно, но если моя волшебная согревающая настойка начала оказывать влияние уже и на меня (в данный момент времени охранника), то на него (в данный момент времени курьера) тем более.

– Поздно уже. Завтра вставать рано.

– Да-да... – Виктор Васильевич поспешно поднялся.

– Нет! Никуда вы теперь не пойдете. Здесь переночуем... Тем более и транспорт уже, наверно, не ходит... Троллейбусы... Здесь переночуем. А завтра с утра отправимся. Диванов много.

Утром мы позавтракали крепким чаем и остатками водки, наскоро обменялись телефонами, Виктор Васильевич ушел, я дождался сменщика и тоже побрел восвояси.

Глава 2.

1.

Выходные у меня выдались суетные, многозаботные.

Окна и двери со всех сторон хлопали.

Как будто птицы крыльями.

И их было много.

Такая уж у нас страна.

Многозаботная.

И суетная.

Ничего спокойно не происходит и не получается.

Везде неразбериха и нервы внутри.

И стены, двери, заборы, замки нарастают лавинообразно. И в городах и в сердцах...

Такие у нас власти, такие законы, такие мозги в головах.

Я, конечно, патриот, если хотите, даже «потреот», и эту свою Родину люблю. Но самой что ни на есть странной любовью.

Не вру.

Но будь у меня теперь хоть немного возможности, уехал бы куда-нибудь в менее суетные, но более уютные и теплые земли.

И любил бы эту свою Родину этой своей странной любовью издали.

Хоть немного отдохнул бы от этой неустроенности, нечестности и несообразности. От тяжелого непроизводительного труда и тоски.

Слишком я уже страшно устал от странностей своей любимой страны. От неприютности и неласковости.

От климата и вообще...

И – от этих новых и лавинообразно нарастающих заборов, заборов, заборов...

Умели же любить свою Родину издали Гоголь, Достоевский, художник Иванов, Тютчев, Гончаров, Герцен и т.д....

Страшная беспомощность охватывает здесь порой.

И так страшно жить, потому что все равно умрем, а дальше не знаем, или не совсем точно знаем, что будет, а тут еще эта Родина, которая, как всегда в опасности...

Да, издали... Да, уехать... Хорошо бы уехать... И любить свою Родину издали. Не зря ж все наши настоящие патриоты так делают, предпочитают любить родину издали: и спокойней и лучше... И вернее, и крепче Родину издали буду любить...

И – безопаснее...

Есть три: Вера, Надежда, Любовь.

Но мне так далеко до них (недостойн!), и от этого страшно.

А тут еще эта Родина, которая, как всегда, в опасности...

2.

В субботу утром я, во-первых, позвонил Рите.

Рита – это такая женщина!..

Такие не часто встречаются.

Я даже не знаю, люблю я ее или нет.

Во всяком случае, ревную.

И жить, наверно, без нее не смогу.

То есть, конечно, смогу, только очень плохо.

Наверное, я ее как эту свою Родину странной любовью люблю.

Я позвонил, Рита сказала: «Приезжай».

Вообще-то у меня не очень много женщин было в жизни.

Хотя знаком я был, конечно, со многими.

И многие оставили в моей жизни свой яркий или тусклый, но более или менее неизгладимый след.

Некоторым из них, я считаю, очень повезло.

Несмотря на все страшно благоприятствующие вроде бы условия и обстоятельства, они всерьез не связали свою судьбу с моей.

Пронесло мимо них такое сокровище. Легко отделались!

Другим повезло меньше...

Бедные вы мои, бедные...

И вообще ото всех, кого я любил, надо было бы мне бежать без оглядки.

Обыкновенного человеколюбия ради. Очень уж оказался я бы им бесполезен.

По-медицински, можно сказать, не показан.

Сколько бед приносил и забот всяких.

Вроде того тютчевского поэта, от которого деве надо бежать, страшиться, и своим не звать...

Я же сумасшедший. И к тому ж хитрый... Шифруюсь, маскируюсь, прячусь и вообще притворяюсь нормальным... А простым, честным дураком выглядеть мне гордость мешает...

Итак, в субботу утром я позвонил Рите.

Рита – настоящая русская патриотка.

При том, что наполовину она казашка и на 1/4 немка...

Но, если бы мы, по крови русские, хоть наполовину, хоть на 1/4 так любили эту свою, эту нашу страну, как Рита, насколько она, страна, была бы счастливее и уютнее для жизни.

Не было бы ни такой нищеты, ни бездомности, ни одиночества...

Ни лишних заборов, ни замков, ни камер видеонаблюдения...

И не надо было бы, даже не захотелось бы никуда уезжать...

3.

Как переменчивы женщины!

Как переменчива жизнь!

По телефону я разговаривал с одной Ритой, а пока доехал, это была уже совсем другая девочка.

От легкости и веселости совсем ничего не осталось.

Глаза ее холодно блестели, не обещая ничего доброго.

Слова и движения ее были осторожны, точны, расчетливы.

Я был, собственно, не виноват. Формально, по крайней мере.

Просто, оказывается, мне надо было срочно ехать в Рязань, а после Рязани еще дальше...

А если б я отказался.... Да что там! Отказаться мне и в голову не могло прийти... Тогда она бы сама поехала.

Дело в том, что брат ее казахстанского одноклассника попал в беду. И его надо было выручать, встречать и прятать.

И дело было не только в том, что это был брат ее товарища, и даже не столько в том, и даже совсем не в том...

Он был, или ему так казалось, в такой опасности, что даже до столицы он боялся ехать, взял билет до Москвы, но выйти собирался в Рязани. И там его надо было встречать.

Из соображений этой самой конспирации Рита не могла поехать сама: он боялся, что за ней тоже могут следить.

– Но ты не бойся. Если что – сразу звони. Мне, и ты знаешь еще кому... Выручим...

Вот еще! Бояться!.. Постеснялась бы говорить...

Она влажно поцеловала меня, и я отважно пустился в путь.

Автомобиля у меня теперь нет, и поэтому перемещаться до Рязани мне пришлось на электрическом паровозе («на собаке»).

Без билета, конечно. Однако я более или менее хорошо доехал. С двумя пересадками. В Люберцах и в Коломне.

Брат Ритинового товарища мне не понравился, но поскольку я должен был его опекать, как гостя, прятать, помогать ему и прочее, поскольку он оказывался от меня как бы в зависимости, я изо всех сил старался относиться к нему приязненно.

Да, думал я, конечно, он не красив, и кажется мне похожим на крысу, но я же должен понимать, что есть люди, которые любят его, и для них он совсем не похож на крысу...

Звали его Геннадий Вольфов.

Сумок у него было три. Тяжелые.

Дорогой я все же вел себя глупо и несолидно. Естественно, пиво взял, но это полбеды. Главное, проявляя гостеприимство, я, может быть, немного навязчиво, как экскурсовод, рассказывал все, что мы проезжаем мимо и можем видеть в окно...

...Вот Коломна... Монастыри... Кремль... Стены разобраны после войны – на постройку печей в домах... То, что сейчас стоит – новодел, ненастоящее... Старинные только башни... В одной, кстати, Марина Мнишек была заточена... Она так и называлась Маринкина башня... 113-й км. Тоже монастырь, но мы не туда едем... Воскресенск... Химзавод... Лисьи хвосты... Видишь, рыжий дым... Страшная вещь... Окислы азота... Жуковский... Раньше здесь часто бывали похороны с оркестром... Летчиков-испытателей... Здесь аэродром рядом, а в городе летчики жили... Люберцы...

Гена Вольфов слушал не очень внимательно. Ему это было не интересно. Ему своих забот хватало, зачем ему Марина Мнишек... Мне б заткнуться, помолчать, дать человеку покоя, но я никак не мог себя удержать...

Наконец Москва.

*Электричка подходит к столице.
У людей изменяются лица.
Лишь у тех, кто гадает кроссворды,
Неизменно неумные морды...*

Метро.

Разумеется, это было ужасно. Потому что сумки.

Конечно, мы все здесь и теперь в наш просвещенный век порядочно избалованы, от настоящих трудностей отвыкли, и поэтому эскалатор метро в середине дня с сумками кажется нам очень страшной мукой...

Однако преодолели. И даже пересадка в центре, где не только остановиться, где замедлить шаг нельзя: затопчут и не заметят. Непрерывный поток. Мы – жидкость в трубе. Грязноватая живая жижа, с сумками.

Я тащил половину Гениного багажа и думал праздное:

Москва, метро, двери и турникеты... То же на вокзале, на стадионе... На митинге наконец.

Когда идет большая толпа, часть дверей прикрывают, проходы сужают. Получается как бы диафрагма, как бы дросселирование. После «местного сужения» давление и температура в толпе как бы снижается, и мы идем спокойнее. Точь-в-точь, как газ или жидкость в трубе. Как в холодильной установке.

Вопрос: куда девается, куда уходит тепло, по законам термодинамики выделяющееся на этом человеческом «дросселировании»? Энергия-то куда девается? Нервная, душевная и психическая в том числе? Чья энтропия увеличивается? Чей хаос?

Нет ответа.

Только на автовокзале, пока ждали автобус до Паганусово, я спросил Гену Вольфова:

– А что, действительно притесняют? По расовому признаку? Вроде теперь-то какой смысл? Должны вроде понять, что себе дороже...

– Да куда там! Там все схвачено... Конечно, бывает по-всякому, у всех по-своему, но я-то вообще попал...

У него был в бывшей братской республике свой бизнес. И вот его отбирают, хотят отобрать. Почти уже отобрали.

Бизнес у него был хороший. Ресторан.

– Ну, не ресторан... Так... Кафе... То есть не совсем так, чтоб я этим занимался... Зачем мне... Это не мое...

Ресторан был у какого-то Абая Абаевича, а Гена Вольфов поставлял ему мясо, колбасу и т.д. У него была своя коптильня...

А потом Абай Абаевич кому-то там задолжал, свои его вовремя не откупили, Гена дал ему денег, но – под залог бизнеса, ресторана...

Абай Абаевич вовремя не вернул, и Гена ресторан забрал себе...

А теперь вот титульная нация пристала, отдавай, мол, назад, а он уже *вложился и за крышу отдал*, а у них своя крыша, и прежнего начальника милиции сняли, а Гена с ним в молодости в одной команде в регби играл и восточными единоборствами занимался, а новый свое просит... И вообще, все хочет делать по-своему, своих пристраивает... В общем, насилие ноги унес... И как бы теперь сюда перебраться или еще лучше за границу, а отсюда через своих эту кафешку продать хоть задешево, таким людям, к которым не сунутся...

Оживив ожидающих путешественников, подъехал автобус. Втащили сумки, поехали.

Когда город с его пробками и светофорами остался позади и замелькали вдоль шоссе просторы родной природы, перемежаемые кое-где длинными оптовыми рынками, стало совсем как-то грустно. Все-то деревья вокруг уже почти совсем голые стояли.

Это осень... Осень...

Она – как и все другие, ей подобные.

В том смысле, что, как и все другие, она началась еще весной.

Самой ранней весной, когда и снег еще не сошел.

А уж когда зазвенели и окрасились в цветное леса над рукой, а уж когда зазеленело, все уже стало ясно и на свои места.

Ясно было: скоро осень.

А потом зацвел пока еще один (один, прописью) жасминовый куст в углу двора и персидская сирень зацвела – на это просто страшно было смотреть: как это все мимолетно и скоро пройдет... И будет осень.

Глава 3.

Прятать Гену Вольфова предполагалось в монастыре.

В каком именно, я не могу сказать, чтобы все, кому надо спрятаться, кто хочет спрятаться, сразу дружно туда не поехали.

Там рядом две деревни Паганусово и Подкинутово. В Паганусово ничего нет, но туда ходит автобус. А в Подкинутово монастырь.

От Паганусово до Подкинутово три километра.

Я страшно не люблю всяких такси и наемных машин, просто не верю этим водителями, поэтому, хоть и не без труда, мне удалось уговорить Гену брести пешком, даже с сумками. Кажется, я даже применил лживый нечестный прием, сославшись на необходимость соблюдать правила конспирации.

Дотащились мы поздно, к самому концу всенощной.

Гена в храм не пошел, остался ждать во дворе.

После службы я нашел эконома, послушника Герасима. Сам я был с ним почти не знаком, но Рита позвонила ему, и он нас ждал.

Нас накормили, устроили на ночь, обещали все решить завтра после службы. В принципе, Гену готовы были взять «потрудиться».

От вчерашнего ли, от дорожного ли пива, или просто от путешествия, я устал и сил уже не имел ни о чем говорить, лег и уснул как убитый.

Утром Гена попробовал было постоять немного на службе, но не смог, вышел при втором антифоне.

– Я там ничего не понимаю...

Еще он был удивлен и недоволен, что обед по воскресным дням только после службы, а в Подкинутово даже магазина не было. Только в Паганусово.

Впрочем, трудники и насельники, с которыми мы вместе ночевали, напоили его чаем с булками.

Эконом, поговорив с ним, сказал мне:

– Странноватый он немного... Ну, да, мы здесь все странноватые. Пусть попробует, поживет...

Я был рад, что удалось сбыть его с рук, одной заботой меньше, и, главное, у Риты, а Гене, наоборот, все как-то не очень понравилось:

– Как это? – Недоумевал он. – Я тут работать должен буду, и бесплатно... И еда вся постная, и даже рыба бывает, говорят, только в воскресенье и по праздникам...

– Ну, так зато и чай, и даже сигареты дают...

– Ну, да... Пять пачек без фильтра в неделю и пакетик «Лисмы»... И в камере, в палате то есть, восемь коек... И паспорт отдавать надо.

– Ну, что поделаешь... Зато тишина, природа... И храм... Спокойствие... А с зеленым паспортом без регистрации где тебя еще примут?

Насчет тишины и спокойствия я, конечно, догадывался, что преувеличиваю, даже знал, что преувеличиваю, но что я мог еще сказать?

– Ладно. Немного поживу, попробую, а там, глядишь, все устроится... Скорее бы только...

Я благословился у нечаянно вышедшего на двор батюшки, погладил небеленые кирпичные стены, перекрестился на колокольню и пустился в обратный путь, несомненно ожидая от Риты какой-нибудь себе за труды благодарности.

Глава 4.

В понедельник мы открылись, как обычно, в 10 часов.

Естественно, обычно к нам приходят женщины, но бывает и наоборот.

Так и в понедельник – первым посетителем был мужчина.

Кавказец. По имени Рустам. Так он представился.

Немолодой уже, скорее, среднего возраста. Маленького роста, лысоватый.

Он зашел к Елене Львовне, они довольно долго говорили, так что я начал уже волноваться и подошел к двери: не нужна ли помощь. В это самое время гость вышел, так что мы едва не столкнулись. Возможно, он подумал, что я подслушиваю.

Только он ушел, Елена Львовна выскочила из кабинета, чуть не рыдая. От смеха.

Оказывается, южный человек приходил договариваться насчет экспертизы: он хотел привести к нам как бы на обследование девушку, невесту своего брата, чтобы выяснить настоящая у нее девственность или восстановленная, как в нашей клинике – хирургическим путем... Плату, естественно, предлагал повышенную.

– Я, – сказала Елена Львовна, – конечно, согласилась. И в любом случае дам заключение, что все естественно... А может, и с девушки тоже удастся что-нибудь получить...

И вторым посетителем в тот понедельник тоже был мужчина.

Виктор Васильевич.

В мою прошлую смену он забыл у меня свою ведомость. Мы с ним вышли во двор покурить.

Во дворе все было как обычно: с крыши текло, уборщица Лида выносила мусор, у соседнего подъезда стоял человек, похожий на иностранного шпиона... Непонятно только, из какой страны...

Потом я стал искать его ведомость, она все не находилась. Может быть, за выходные, пока меня не было, сменщики выкинули?

При этом я чувствовал некоторое неудобство: два слишком разных круга моей многогрешной жизни, два слишком разных мира невольно и неловко соприкоснулись: с одной стороны знакомство с Виктор Васильевичем, мое прошлое, с другой сторожевая служба у Елены Львовны...

Зачем моим новым «коллегам» Виктор Васильевич? Такой другой, такой нездешний... Зачем им знать про него?

Может, к ним еще и Риту привести познакомиться?

Пока я искал, пришла толстая рыжая пациентка и разговаривала с сестрой-регистратором Аллой, а наше с Виктор Васильевичем присутствие тоже мешало ей...

Наконец ведомость обнаружилась, вместе с журналом про налоги под неизвестно откуда взявшимся шахматным обозрением за 1968 год...

Проводив Виктор Васильевича, я почувствовал некоторое облегчение, и мне было стыдно, что я почувствовал некоторое облегчение... Беда... Нехорошо!..

Дальше день потек обыкновенно.

Вечером я набрал Виктору Васильевичу, спросил, как дела, мы поболтали, договорились в ближайшее время встретиться.

– Ко мне, – сказал он, – по нынешним меркам не очень далеко, в Кузьминки...

А дальше дни замелькали с суетной быстротой, одинаковые, как мордочки сусликов...

То есть, конечно, не были они одинаковые, но как-то очень скоро летели и не запоминались. Я стал почему-то страшно раздражительным и даже ссорился иногда с Еленой Львовной.

Эта осень выдалась какая-то уж очень особенная.

Кажется, не только дни стали короче, но и ночи.

Просто стихи какие-то:

«И дни и ночи –
Все стало короче...»

Жизнь зимой от холода вообще сжимается, а в этот раз уменьшилась до отчаянности.

Ждали весны.

А вскоре начались неприятности.

Мутные, мучительные.

Я совсем задурил.

Стал вдруг страшно ревновать Риту.

К ее старым (нездешним, заграничным) и новым (местным) знакомствам.

Дура какая-то! Всегда-то ей надо было во всем участвовать, всем помогать, обо всех заботиться...

Один из ее новых друзей меня особенно лишал покоя.

Я не знал, что делать, как вырвать Риту из его хищных сетей.

Смуглый, темноволосый, широкоплечий с масляными глазами и шутовскими усиками.

В больших сильных руках у него почти всегда был небольшой синтезатор, под который он то и дело пел свои пошлые песенки:

*Милая моя, я без тебя плачу.
Милая моя, я без тебя вою.
Милая моя, я без тебя ничего не значу.
Я пламенным взглядом слежу за тобою.*

*А еще у меня есть моя Россия.
Не нужны мне никакие другие страны.
Над Россией небо особенно синее,
И все люди в ней святые и странные.*

*А еще у меня есть моя свобода,
И поэтому я человек богатый.
Я летаю над городом от заката и до восхода,
Потому что я по ночам крылатый...*

Многим нравилось.

Передвигался он в инвалидной коляске.
Горячая точка.

Но не Афганистан, не Африка, не Югославия, не Приднестровье, не Кавказ...

В Чечне он, правда, немного был. На заключительном этапе. В конце того, что называют Второй войной.

Там он с кем-то познакомился, и его устроили корреспондентом (кажется, по коммерческой части) в Карелию, где и получил он свое ранение или контузию... То ли не о том корреспондировал, то ли не тем торговал...

Вернулся он обездвиженный.

– Хорошо хоть вывезли, – говорил он.

С Ритой на семнадцатом этаже они подолгу сидели у окна без света: смотрели на огни города. Фантазировали: сколько освещенных окон, и за каждым какая-то своя жизнь. Может быть, счастливая и прекрасная.

Конечно, издалека всегда так кажется. Издалека все уютно.

...У Риты очень высокий этаж. Даже туман иногда лежал ниже ее жилища. Подходишь к окну: соседний дом ясно виден, а внизу туман...

Днем Денис (так его звали) выезжал трудиться: благо новые дома и переходы у нас теперь все с пандусами.

И в подземном переходе он играл на своей электронной балалайке и пел, и за это ему клали деньги в шапку.

В общем, он был, конечно, под «крышей», ему никто не мешал, хотя незнающие, случалось, и наезжали.

Бывало, и не из-за денег даже.

Однажды какие-то пьяные юноши стали его оскорблять и даже вытаскивать из инвалидной коляски: не верили, что он, в самом деле, обездвижен.

– Ты, – говорили они, – ловко притворяешься и хорошо устроился, а сам лопатой гребешь...

Основания для таких нехороших подозрений у них, конечно, могли быть. Я сам видел однажды у Елоховского собора, как один выпивший, а главное, утомленный зноем колясочник, окончив рабочий день, что-то забыл или перепутал и попытался войти в

троллейбус вместе в коляской, но она, упрямая, по третьему закону Ньютона, стремительно отъезжала назад, не желая следовать в общественный транспорт за его задом... Сам он входил, а коляска за ним не хотела...

Но когда злые юные хулиганы вытащили из коляски Дениса, и он упал на кафедру перехода, действительно беспомощный, они испугались, выматерили его и убежали прочь.

Когда мы с Ритой прибежали на его звонок, какой-то пенсионного вида гражданин уже пытался ему помочь. Втроем мы кое-как усадили его в коляску.

Мне стало как-то страшно грустно, и я ушел один бродить по улицам.

Позвонил Виктору Васильевичу, номер был недоступен, позвонил зачем-то Елене Львовне, она подумала, что я пьяный, еще кому-то позвонил...

А на другой день, ночью, на работе и на меня было сделано нападение.

Все уже ушли. Я был один.

Позвонили. Я открыл. На пороге стояла женщина. С печальным лицом. Но довольно-таки привлекательная.

– Здравствуйте. Вы меня не помните?

– Нет...

– Я у вас месяц назад была... Хотя, конечно, нас у вас столько бывает... Можно мне зайти?

Я посторонился, пропуская ее. Чувствовал почему-то некоторое волнение.

– Только врачей уже нет... Никого нет...

– А вы?

– Только я. Но я сторож.

– Ну, и что? Вы мне очень помогли тогда... Одеться. И успокоиться. Мне не совсем хорошо было... Психологически... Пусто, грустно... Можно мне войти?

– Можно, – сказал я.

И почему-то отвернулся.

Когда обернулся, она уже сняла пальто, и никакой одежды под пальто у нее не было. Почему-то я даже не удивился.

Кстати, звали ее Ларисой...

Она была инопланетянка.

Но это я уже после узнал.

За это быстро мелькнувшее время мы несколько раз разговаривали с Виктором Васильевичем по телефону, все договаривались встретиться, но все как-то не случилось.

Глава 5.

А потом случилось страшное.

Риту забрали.

Задержали, предъявили обвинение.

Мне рассказала ее подруга Ира («актриса»). Чудесное, между прочим, существо. Ангелоподобной, как мне кажется, души человек.

Но она сама толком ничего не знала.

Я понял так, что этот самый Гена Вольфов ухитрился впутать мою Риту в какие-то свои темные дела и теперь ее обвиняют не то в пособничестве, не то в соучастии.

Но – женская солидарность иногда – великая вещь. На другой день я уже разговаривал с ее адвокатом (адвокаткой).

– Неприятно, отвратительно, но не смертельно. Ордера на арест не будет, завтра ее выпустят под подписку...

Я негодовал и недоумевал:

– Но как она могла этому Гене довериться? Во что он ее втянул? Его-то не очень жалко, но Риту в чем обвиняют?..

– Как? Вы не знаете? Это он на нее и заявление написал...

– Гена? Как это?

– Ну, да... И ее обвиняют в соучастии в покушении на его, Вольфова Геннадия Захаровича, убийство... Чушь, конечно, страшная... Но синяки на нем, говорят, действительно порядочные... Кстати. Судя по всему, он и вас упоминает... Только не знает, кто вы... Говорит, некий человек, – адвокатка, Ксения Владимировна, подняла глаза от бумаг и на меня посмотрела, – весьма похожий на вас, привез его в монастырь, где на него и было совершено покушение...

– У!.. Я не знаю, что делать... Смеяться? Плакать? Ехать в монастырь выяснять подробности?.. В принципе-то все понятно...

– Я думаю, лучше вам не вмешиваться. Риту я давно и хорошо знаю, она мне не совсем чужой человек, я сделаю все, что смогу. Думаю, все уладится... Только бы этот Гена не уехал на какую-нибудь из своих исторических родин и не принялся оттуда пакостничать... Естественно, имеет место то, что называется шантажом и вымогательством... И настоятель монастыря, и эконо́м – тоже в «соучастниках»... Их, конечно, не задерживали, а Риту забрали, потому что он заявил, будто она ему угрожает, а на самом деле он денег дал или, что более правдоподобно, пообещал и еще чего-то пообещал... А кроме того, этот Гена, похоже, на самом деле болен... Хронически... Хорошо у него хоть журналистов знакомых нет...

...На одного монаха (не гостя, не паломника, не послушника – на настоящего мантийного монаха Виктора) Гена написал заявление с обвинением в «разжигании национальной розни, вражды и ненависти»...

Я этого монаха Виктора немного знал раньше, но когда Гену привозил в монастырь, его не было, он был, говорили, «в затворе».

Когда-то давно, когда я в свободные дни между сменами приезжал в монастырь, он пытался сделать безнадежное: хотел научить меня ловить рыбу удочкой.

Он был веселый (сколь это удобно монаху), простой, еще довольно молодой человек, окончивший когда-то Горный институт в Туле, поработавший под землей в шахте инженером, взрывником и т.д.

Слегка юродствовал, не всегда говорил понятно, но про него говорили, что он обладал даром предвидения.

Так он предсказал болезнь и выздоровление настоятеля, большой пожар на складе в районном центре, разоблачил действующую в районе преступную группу.

Группа эта занималась тем, что обманым путем отлавливала людей, попавших в «трудное положение» (бездомных, алкоголиков, недавно освободившихся из заключения и др.) и под предлогом помощи, заботы и (как без этого!) «духовного окормления» обращала их в рабов, и беспощадно эксплуатировала.

Группа называлась «Возрождение».

А наш Гена про монаха Виктора заявил, что он предсказывал войну с Украиной.

Гена его как-то особенно возненавидел, больше даже, чем тех, кто «на его жизнь покушался», и требовал для него немедленного заключения в закрытую психбольницу...

Подумаешь, писал он в своем доносе. – Пророк... *Хотел уверить нас, Что бог гласит его устами!*

Впрочем, и это все обошлось хорошо, кроме нервотрепки, волнений и душевных ран.

Дело удалось сразу закрыть или даже вовсе не заводить в виду полной бессмысленности Викторова пророчества. И Гениной неадекватности.

Монах Виктор, кстати, говорил, что он это (войну с Украиной) не предугадал, просто «математически вычислил».

Глава 6.

А еще через пару дней Рита опять отправила меня к Гене Вольфову.

Бедолага снова нуждался в помощи.

На этот раз она бы и сама съездила, только сильно простыла, да и не очень хотела, так что я ее просто не отпустил.

Впрочем, с Геней я в этот раз так и не встретился.

Меня к нему не пустили. Только передачу взяли с продуктами.

Гена попал в больницу. В психиатрическую.

Гладкие-гладкие стены...

Врач тоже недолго со мной говорил. Утешил: сказал, вероятно, скоро выпустят.

Какие же мы были с Ритой счастливые весь вечер и всю ночь, когда я вернулся из Гениной психиатрички!

Про свое задержание в неволю она и вспоминать не хотела:

– Ну их! Противно!.. Хотя, может быть, мне и не вредно было... Для общего развития... И получше меня тетки там бывали... И не только там... Вот послушай:

*Чужих людей прикосновенья
Скучны, досадны, не нужны.
И в серой жизни нет мгновенья
Без ощущения вины.*

*И слов невысказанных тяжесть
Быть может, худшая вина,
И никогда того не скажешь,
Чем вся навеки сожжена.*

Это Анна Баркова... Много-много лет просидела...

Правда, простужена Рита была так сильно, что не только чаем с медом пришлось мне ее поить, но и горчичники ставить.

– Ты ж теперь у нас в какой-то мере медицинский работник, хоть и без халата, – смеялась она, – к тому же более или менее по женской части...

Глава 7.

Наконец-то я все же попал в гости к Виктору Васильевичу.

Два больших аквариума украшали его маленькую комнату.

– Я ведь почти всю жизнь рыбами занимался... Остальное как производное... Или между делом... Машенька! У нас гости.

На зов из кухни явилась Машенька, довольно юное сравнительно с Виктором Васильевичем существо, круглолицее и светловолосое.

– Познакомьтесь, моя жена... А это Неувядаев, мой бывший студент по теплотехнике и вообще хороший человек...

– Очень приятно...

...Рыбы были красивые. Гладкие, живые. Неторопливые. Даже медленные. Главное, крупные. Они жили в своей воде за стеклом и проявляли довольно мало интереса к тому, что происходит у нас на суше... Или это так казалось?

– У меня был приятель... Тоже рыб разводил. Вроде даже профессионально. Иногда мы у него собирались, и я заметил, что с рыбами, то есть перед аквариумом, замечательно выпивать... Успокаивает...

– Что вы говорите!.. – Виктор Васильевич засмеялся.

– Правда... Жаль только у него курить нельзя было в квартире, астма у него была или что-то, он дыму совсем не переносил...

– Ну, у меня курить можно... Рыбы терпят... Да это, по большому счету, и не аквариумы... Так... Домашние... Однако давайте-ка за стол... Машенька!.. Мы тебя ждем... А у вас что нового? Так же охраняете?

Я пожал плечами...

– Охраняю... Осень... Между делом в монастыре побывал... – Я кое-как рассказал вкратце про свое путешествие в Паганусово, и что из этого получилось... – А вы как?

– Слава Богу. Надеюсь вскорости из этого своего курьерства уволиться... Надо туда возвращаться, – Виктор Васильевич кивнул на аквариумы. – Назад, к рыбам...

...После двух рюмок рыбы стали веселее и живее плавать... И даже как будто проявлять интерес к нашему сухопутному зааквариумному миру...

– Это ведь мое второе «я»... Призвание... Но – не сразу нашел... В детстве каких-то держал – это не считается... Позже, когда в институте преподавал, чтобы зарабатывать, стал разводить неонов и меченосцев, сдавал в зоомагазин по 40 копеек... А потом, что называется, нашел себя... Правда, похоже, слишком сильно увлекся... В русле нашего тогдашнего всеобщего полуграмотного максимализма.

– А теперь снова разводить хотите?

– Нет. Это теперь совсем невозможно. Никому не нужно: в зоомагазинах все есть... Скоро можно будет, кажется, хоть кита купить... Да я и тогда не только разводил...

– А что же тогда?

– А... Рыба она сама по себе прекрасна... Даже вот эта бедная селедочка на тарелке...

Виктор Васильевич поднялся и достал с полки книгу. Раскрыл и прочел:

«Рыба – тоже люди... ..Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету», – это Арсеньев, Дерсу Узала...

– Так что же... Вы... – Я даже не знал, как спросить...

– А... – Виктор Васильевич махнул рукой. – В другой раз расскажу... Теперь об этом сил нет... В следующий раз... Теперь давайте под эту селедочку...

Виктор Васильевич как будто боялся или стеснялся что-то еще рассказать про рыб... Про свое слишком родственное к ним отношение... Видно было, что это для него слишком важное.

Ну, что ж... Я не настаивал. В следующий раз так в следующий раз.

Глава 8.

Следующий раз случился неожиданно скоро.

Я уже немного устал на своей работе (от избыточного общения) и несколько нетерпеливо ждал, пока все разойдутся, намереваясь приступить к исполнению своих непосредственных обязанностей: продолжать губить свою не совсем уже молодую жизнь: лежать на диване и слушать троллейбусы. И вдруг позвонил Виктор Васильевич:

– Здравствуйте! Мне опять ваш адрес достался... Если не возражаете, я к вам после всех заеду... Если можно будет, посидим немного... Тем более, у меня как бы праздник: последний день курьерствую...

– Да, конечно...

Я погрузился в размышления.

Елена Львовна еще не ушла... А еще кто? Больше не у кого... Врачи ушли...

Я постучал.

– Да!

– Помощь нужна... Спирту немного...

Ее прекрасное лицо искажилось выражением осторожности:

– А неприятностей не будет?

– От спирта не будет...

– А такое бывает?... Чтоб от спирта неприятностей не было?... Да и нет у меня сейчас спирта... На, вот... Только без глупостей, пожалуйста... – Елена Львовна достала из шкафа с нижней полки бутылку чужеземного коньяку. – Я сейчас уйду... Не злоупотребляй...

– Мерси... У меня есть еще идея... Дурацкая... Но это не сегодня... Может быть, нам здесь рыб завести? Аквариум поставить... Но это не сегодня...

– Аквариум? Надо подумать... С одной стороны как бы и неплохо, а с другой... С другой стороны, нас и так не всегда правильно понимают... А вообще подумаем.

Виктор Васильевич пришел через час и тоже принес бутылку.

– Все. Больше я не курьер. Хотя это тоже забавно было... Чего я только не повидал, курьерствую... Кто б записал... Хотя... По большому счету, ничего нового... *«И ничтоже ново под солнцем»*...

Мы сидели, смотрели в окно и вспоминали уже бывшее...

За окном было темно, только фонари и туман, и это казалось бесконечно значительным и огромным.

...Помните, в стране тогда мяса не хватало... Не только мяса, конечно, много чего не хватало, потому что много было лишнего... Но в столовых, рабочих и прочих тогда рыбный день вводили, помните, по четвергам? Еще анекдотов столько было...

– Как не помнить! Конечно, помню... Непонятно только, почему именно по четвергам... И анекдоты помню...

«Может ли лошадь дойти от города-героя Ленинграда до города-героя Волгограда?

– Может, если ее не съедят в городе – герое Туле»...

Тулу тогда как раз тоже городом героем назначили...

И про русалку в рыбный день вспомнили...

...Не знаю сам, чего я вдруг так разболтался... От трех рюмок, может быть...

А Виктор Васильевич продолжал:

– Рыбы они звери хорошие... И лишнего не болтают... Слово-то, оно, конечно, серебро... А молчание – золото... И нет истины в многоглаголанье... Правда, рыба, она, конечно, не молчит... рыба много чего может сказать... Только «наша его понимай нету»... Правда, серебряный карась дурнее золотого... Самка серебряного карася без самцов размножаться может... Но это банальное...

... Сначала я просто рыбок разводил. И в зоомагазин сдавал.

Денег ради. Преподавательское-то жалование было тогда тоже гроши... Да, и душу эти хладнокровные грели...

... В конце концов я придумал замечательную вещь... Какую-то свою, как теперь говорят, нишу нашел в этой (или еще в той) жизни... Или что-то вроде... Сначала как бы просто, что называют «для души», а потом как-то все стало само собой вокруг этого выстраиваться... Это как-то неожиданно пришло в голову, вроде как озарение... А дальше: терпенье и труд... Впрочем, я не очень трудился... Все как бы само собой получалось... Звало и вело... Лишь бы аквариумы не протекали...

Я выдумал... как бы это назвать?.. Рыботерапию что ли... Сначала просто: смотреть на аквариум и расслабляться... Сосредотачиваться и расслабляться... Расслабляться и сосредотачиваться... Вроде психотерапии: Релаксировать... Вроде медитации... Это тогда в неофициальной жизни очень модно было... Помните?

– Да, да, помню... Всевозможный *дзэн столичного разлива*... Хотя его, конечно, не только в столицах, его тогда по всей стране разливали... Примерно одинакового качества... Причем, в провинции иногда даже получше бывало... А куда было деваться...

– Да-да, именно... И я тогда целые курсы разработал. Методики. И в отличие от многих подобных «школ», «студий», «оздоровительных сеансов», «нетрадиционной медицины», «всяческого развития», и – никакого обмана в моих штуках не было... Это не было шарлатанство... Я не лечил и не претендовал. И никакой «тоталитарной секты» не создавал...

Хотя было бы забавно... Ихтио-религия... Храм Аквариума...

– Но это же здорово! Хотя и не совсем религиозно, наверно... Еще по рюмке?

– Ага!

Я как-то стал сам увлекаться рыбными идеями Виктора Васильевича... Сожалел только, что мне (даже если б и в голову пришло) ни на что подобное ни внимания бы не хватило, ни терпения...

– Ну, самое минимальное это что-то вроде медитации с видом на рыб: в аквариуме. Дальше примерно тоже самое: разговоры с рыбами. Через стекло, разумеется... Еще были некоторые упражнения в смысле «подслушивание» рыбьих разговоров... Высший пилотаж: технология ловли и поимки волшебных рыб (сказочных): Щука (Емелина), та самая рыба-камбала из Братьев Grimm... Ну, и наши непереводающиеся: золотые... Давайте, с лимончиком...

– За вас и за рыб...

– За нас и за рыб... А потом случилось, что случилось: народ повалил... Не поверите, не только на аквариумные сеансы, на лекции записывались... По рыботерапии... По рыбьей филологии... И... Всякое началось...

«Мы – не рыбы,

Рыбы – немые» –

Сначала как реплика... Потом хор. Скандирование-складирование... Случались и драки. Одни за рыб, другие – против... Разумеется, провокации... Я, правда, особенно к популярности не рвался... Больше того, все ведь в полуподпольных условиях...

Ну, и доносы в соответствующие (и в несоответствующие) органы... Когда храмы и приходы возрождаться стали, даже священникам на меня жаловались... Батюшки смеялись.

Но это все как-то преодолевалось...

А потом я устал, что-то сломалось внутри, расклеилось...

Рыба-то, она, по крайней мере в нашем представлении, молчит... А мы-то молчать не можем...

Для нас это подвиг, помолчать немного... И все равно... Жизнь прекрасна...

Хотя... Хотя... Были и мои грехи...

Для совсем вегетативных я придумал еще и гадание по рыбам... Не по внутренностям, конечно, по плавающим...

Это, конечно, фантастика...

Хотя, конечно, и не совсем...

Кое-что угадать все же можно...

...И про рыбу немоту это, конечно, сказки... Нисколько они не молчат... И болтливы, и даже агрессивно болтливы бывают. Но мы не все слышим... Другая среда, другие частоты... Да, и *мировоззрения*...

И эти-то границы сред, различие языков и есть область рождения волшебного...

Рыб в аквариуме еще и пугать можно.

Очень просто, выбираешь самую волшебную и говоришь: «Сполняй скорей мое желание (по гуппиеву велению, по моему хотению), а то я тебя съем...

Дальше довольно однообразно. Воображения-то у нас, как у плотвы...

И поэтому все сбывается... Или почти все... Естественно и непреложно...

Но – с *рыботерапией* приостановиться пришлось...

...А теперь вот снова рыбы выплыли... Извиняюсь за смешное выражение... Выплыли и вынесли из тесноты хаоса.

Сегодняшнего. Курьерского.

Представляете, прихожу со своими глупыми «почтовыми отправлениями» в один банк, весьма не маленький, звоню снизу (внутри, конечно не пускают): так и так, вам пакет.

Отвечают: хорошо, сейчас к вам выйдут.

Выходит барышня. Вся в косметике. Берет пакет, расписывается, хочет уже убежать, потом смотрит на меня внимательно.

– Вы такой-то такой-то?

– Да...

Оказалась, одна из моих прошлых адептов-пациенток по *рыботерапии*...

Записала мой телефон:

– Мне сейчас некогда, я на работе, но я вам обязательно позвоню. – А сама счастливая такая, радостная. – Вы даже не представляете, как мы все вам благодарны...

На другой день позвонила, пригласила в кабак, в ресторан по-ихнему:

– Обязательно приходите, я с мужем буду, он тоже на ваши сеансы ходил, и еще кто-нибудь придет, мы все вам так благодарны, так благодарны ... Оказалось, они с мужем перед аквариумом и познакомились....

Ну, как мог умылся, оделся, пришел. Бывших учеников и учениц человек двадцать... Нам столики сдвинули...

И все восстанавливать предложили, и помещение нашли...

...В море все прекрасно: и Кит и Килька.

...Да, но кит – не рыба. Кит – млекопитающее...

Значит, по Дарвину, кит к мышке ближе, чем к кильке...

...Да, к мышке и к кошке...

...А плавает вместе с килькой...

...И с подводными лодками...

...А вдруг, подумал я, Виктор Васильевич тоже сумасшедший?

Вот было бы здорово!

Жизнь со всех сторон так полна людьми, можно сказать переполнена, и – чаще всего, ни одного равномысленного, ни одного единогодушного рядом...

...То есть, где-то на свете, они, конечно, есть, присутствуют, обитают, и даже, может быть, очень рядом, и тоже, может быть, странствуют в одиночестве, да вот как-то редко встречаемся, и ничего друг о друге не знаем...

Глава 9.

В какие-то моменты жизни мне удается отчасти как бы уходить из нее. В чистую почти созерцательность.

То есть не чистую, откуда чистая? Но все же. Созерцание (за неимением иного) становится главным. Нет, я не теряю, конечно, при этом способность есть, пить (и спиртное тоже!), спать, ходить по улицам... И вожденное созерцание перемежается хищной, жадной, пустой, простой и глупой мечтательностью и постепенно почти совершенно вытесняется ей.

Вот и теперь стало выходить что-то подобное.

А потом стала потихоньку наступать весна.

Но... Странная весна...

Как известно, по определению, всякая осень начинается весной.

А этой весной и осень как-то не начиналась. Медлила? Такая странная весна!

Уже и Пасха прошла. Ранняя, правда в этот год, но об осени и не думалось.

Только это не всегда радовало.

Почему? А от многих причин.

Во-первых (хотя, не во-первых, конечно!), у Елены Львовны возникли неприятности.

Она стала уходить в себя и по два месяца не давала зарплаты.

Во-вторых, на меня напало нехорошее какое-то настроение.

И страна наша, увы, в беде.

И ей, вероятно, грозит и предстоит дальнейшее раздробление и распад, внешнее и внутреннее разложение.

И, может быть, на этот раз уже окончательное.

Хотя про окончательное и неокончательное мы, конечно, ничего не знаем...

Хочется, все же, чтобы это произошло не при мне, не пока я еще здесь буду жив.

Но и умирать, как в песне поется, пока не хочется...

Я не только сумасшедший, я еще и страшный эгоист. Может быть, именно потому что сумасшедший – почти все сумасшедшие, сколько я их знаю, страшные эгоисты. Или наоборот: сумасшествие происходит от эгоизма. Какая-то дурная бесконечность и замкнутый круг.

Но, во всяком случае, боясь за страну, я прежде всего за себя боюсь: как я при этом, при ужасе распада буду?

Как остаться хотя бы относительно честным перед друзьями, родными, близкими, перед этой самой страдающей, разваливающейся родной и любимой страной?

У нас ведь большая и, может быть, не самая худшая часть населения по определению относится к «бедным» (другие-то уже давно смотались), а по «бедным» все возможные и невозможные страсти и *чюдеса* наиболее катастрофическим образом скорее всего и ударят...

Я ведь не просто так, а просто астрономически беден: асоциален, деклассирован и люмпенизирован, вне всего и вся: кроме только социальных программ, пока они еще есть, и охранной службы у Елены Львовны...

И какой стране я буду еще сколько-нибудь нужен, когда и этой никак?

Наивный я человек и нахальный: и к большей, и к не самой худшей части населения себя причислял...

Глава 10.

Со мной стало происходить новое и небывалое.

Я стал вспоминать.

Прежде категорически отказывался: вот еще! Мне же еще не семьдесят лет!

А теперь вот стало само собой неотвратно накатывать.

Хуже того.

Я стал записывать свои воспоминания.

«... Воспоминания стесняют, но не объясняют

Страна “развивалась”. Жила и радовалась. По крайней мере, выборочно, частично и фрагментарно.

...Мне рассказывали позже, что в одном из посольств нашей страны на банкете, посвященном 50-летию *Великой Октябрьской социалистической* пили коньяк 50-летней выдержки...

И внутри страны многое менялось. Новые дома теснили старые. Новые были светлые белые и блестящие, а старые – темные, серые, красно-кирпичные и даже деревянные, гулящего, пропавшего и пожарного вида (“избяной обоз”).

Но в старых домах уже (или еще?) жили и притом давно, а в новых еще как бы только собирались жить. “Тренировались”. Начинали “по-новому”, даже если переехавшие, вселившиеся были уже вполне почтенного возраста...

Лучше всего (из новых домов) чувствовали себя дети (до определенного возраста). А в старых – наоборот.

“Новые дети” радовались новизне и перемене места, а “старых” детей отчасти подавлял внешний блеск новых домов, людей, машин (да, у многих прибывших были собственные автомобили), они понимали это как свою неполноценность, завидовали и прочее... Дети...

У остальных (начиная с какого-то возраста) между свежеехавшими и туземцами иногда складывались поначалу (пока не привыкли) не вполне однозначные отношения.

От взаимного же (с обеих сторон) низкопоклонства до взаимного (с обеих сторон) пренебрежения и до драк с колами и велосипедными цепями. До ножей доходило редко, а колы для драк жили прямо на новых улицах: провели однажды субботник, посадили деревья (липа, береза, каштан) и утвердили их в вертикальное положение, привязав к обычным березовым кольям. Эти-то колья при случае и пускали в ход...

Если обратиться к нашим традиционным “западно-восточным” географическим и культурологическим аналогиям, можно было бы сказать, что приезжие были гораздо

более “западные”, даже если прибыли из Сибири, Казахстана, Узбекистана, Туркмении, Киргизии и даже (были и такие) из Китая.

А аборигены (местные) казалось более “восточными”, хотя иные из них бывали и в Варшаве, и в Праге, и в Берлине, а некоторые (были и такие) даже в Париже, в Канаде, в USA, и даже в Латинской Америке (и не только на Острове Свободы).

Дело было не только и не столько в реальной физической географии, сколько в душе, в мозгах, еще не пойми в чем...

*

Кроме того, вновь прибывших было больше...

Хотя пока и не слишком.

Это казалось странным: новые дома, большие и многоэтажные, должны были бы существенно больше вмещать, но в старых домах жители были значительно плотней упакованы, теснее жили, чаще в коммуналках...

Беднее жили...

*

Рита была из “новых”. Она приехала с родителями из Казахстана. Я – из “старых”, хотя тоже совсем не абориген.

Новой школы еще не было, старая была далеко. Рита училась на год старше меня, и поэтому мы не очень общались, хотя жили рядом и ходили в школу одной дорогой, осенью грязной, зимой снежной, такой снежной, что снег вокруг был гораздо выше нас, и мы в этот снег то и дело падали, снег набивался в рукава и в портфели.

А потом мы познакомились и в школу стали ходить вместе.

Знакомство наше началось с того что, я Риту “спас”. В полном соответствии с “законами жанра”.

Новый магазин тогда еще не построили, еду и прочее возили из центра в переполненных автобусах или брали (что было) в старом деревянном доме, называемом почему-то СЕЛЬПО.

Возле этого СЕЛЬПО стоял когда-то деревянный дом и сад с яблонями, дом снесли, яблони, кажется, еще и до сих пор живы, хотя и заметно состарились.

Но когда сломали, сравняли дом, погреб (он был большой) почему-то не закрыли, или кто-то растащил доски: тогда доски были большой дефицит.

Дождями погреб налил водой, а от удаленности фонарей “невидимый бассейн” представлял особенную опасность. К тому же поверху его затянуло тонкой ледяной коркой.

Однажды поздно и в темноте я был послан за хлебом и пробирался к СЕЛЬПО мимо бывшего дома, ставшего водоемом.

Неожиданно я услышал плеск и громкое дыхание.

В воде была Рита и не могла выбраться. Ее тоже за хлебом в СЕЛЬПО послали.

Грех сказать, как я был счастлив, что мне случилось ей помочь.

Да, что там счастлив! Я до неведомо какого неба восхищен был!

И выходит, увы, что причиной моего счастья было то, что Рита провалилась в глубокую холодную воду и не могла выбраться... Беда то есть.

Увы, таково часто бывает наше счастье: на несчастье других...

Когда я ее вытащил и вел домой, заставляя идти скорее, почти бежать, чтоб не замерзнуть на ветру в мокрой одежде, она так трогательно доверчиво держала меня за руку...

Потом мы вместе учились, ходили в школу, получали двойки (и даже не только двойки), гуляли по полуобжитым окрестностям...

*

Позже наши отношения немного расклеились: *разность хода*... Или – разные направления.

Рита уехала в свой Казахстан.

Ее папа устроился там на какую-то ответственную работу.

А я оставался пока тут.

Мы грустили и переписывались...

А потом и я уехал надолго.

Кончил школу, тот самый технологический ликбез, и уехал, не отработав даже положенного (три года) «по распределению».

Ветер странствий меня гнал? Или насущная необходимость? Или просто повезло в жизни?

Или просто потому, что сумасшедший?...

Летом я в геологии трудился, рабочим «в поле», а зимой бесславно и бездарно работал в школе учителем...

Сумасшедший!

*

...К слову сказать, с Еленой Львовной наше знакомство ровно по-другому состоялось, наоборот: она меня спасла.

...Когда, жутко завизжав, возле нас затормозил совсем ненужный и неприятный автомобиль, она сказала (и убедила!), что это не я, демонстрируя и доказывая свое сумасшествие, разбил витринное стекло, а какие-то пьяные хулиганы, уже убежавшие налево и вдалеке.

К слову, там вдали еще раздавался чей-то хохот и топот...

*

...Потом Рита вернулась.

Уже взрослая и уже одна – без родителей.

За время наших разлук у нее было два мужа, а сколько чего и кого у меня было!.. Сумасшедший!

А впрочем... Впрочем, не так и много было...

Вернее, совсем мало...

И я всегда страдал от неразделенной любви.

Сумасшедший!

Просто, видно, я слишком сам себя любил...

А сумасшествие – это эгоизм (извиняюсь за грубое слово), или эгоизм – это сумасшествие? –

Этот вопрос, кажется, еще сумасшедший гр. Л. Толстой задавал...

*

Из трубы, говорят, идет дым...

Какая глупость! Он из нее не идет, а вываливается и выползает...

...Когда мы снова встретились с Ритой, я должен был с сожалением признать, что она стала, кажется, еще прекрасней, а я порядочно опустил и повзрослел.

В Казахстане у нее было поочередно два мужа, и с обоими она “не сошлась характерами”.

Первый был школьным учителем, второй бандитом... То и другое в Средней Азии должности почетные...

Ружья, заботливо развешенные по стенам в первом акте, в последнем обязательно должны стрелять.

Классики не ошибаются.

Поосторожней бы нам быть с развешиванием ружей».

Глава 11.

Я посетил еще раз Виктора Васильевича. Посоветоваться насчет аквариума в нашем медучреждении и привез ему рыбьего корму. В нашем многонаселенном доме живет, оказался, еще и некий офис, который этой самой зоологической торговлей занимается. Дали бесплатно: в рекламных целях.

Разговаривали недолго: только по делу и про этих самых рыб. Ну, и про эту самую рыбью жизнь – в стране.

«Да... Было, было...

И рыбный день был.

Теперь не так.

Теперь изобилие.

Только какое-то невеселое.

Да и дорого все.

А главное, все какое-то призрачное. И – невеселое.

Должно бы, кажется, наоборот быть. Что мимолетно, то весело. А у нас и не весело и непрочно...

...То есть я, конечно, не имею в виду личную и частную жизнь каждого нахала и бедолаги... И тем более душевное устройство...

Но «в целом»-то...

И скоро, похоже, и с рыбой у нас нехорошо будет...

То есть с рыбой-то, конечно, хорошо... Без рыбы плохо будет.

Да, и рыбы бывают всякие. И неизвестно, какая опаснее: Большая рыба с маленькой головой или наоборот...»... У пираний, например больше половина тела – голова. Вернее, челюсти...

После приехал к Рите и ее с ума сводил:

«Икра. Она летит.

Летит, летит...»

А рыбка божья не знает, ни заботы ни труда...

Глава 12.

1.

Не дай мне бог сойти с ума...

Пушкин написал. По-своему правильно.

А с другой стороны... Безумие, сумасшествие, даже медицински зафиксированное (справка), все больше замечаю, не подается ли нам (и другим тоже) свыше как лекарство, даже как спасение?

А с другой стороны, т.н. «нормальные» не отличаются ли от официальных сумасшедших только тем, что корыстно, или от страха, или из вежливости и человеколюбия умеют и привыкли прятать свои сумасшествия? Примерно как я...

И справки нет!

Впрочем, всякое бывает...

Впрочем, не только об этом, мы и вообще ни о чем по-настоящему ничего не знаем...

И – педагогика не отпускает своих пациентов. И «учащихся» не отпускает, но педагогов особенно... *Учителей*. Все психи!

Издержки производства и вообще деятельности...

Всегда ли эти издержки являются действительно издержками, или наоборот?

Не являются ли они иной раз существенней и значительней самого «производства», деятельности?

Один поехал в Париж, оказался в Курске. Другой поплыл в Индию, приплыл в Карибское море... И не на пароходе плыл, а под парусом...

А издержки общения – это, пожалуй, самое важное и своевременное. Порой непоправимое...

Эта штука всегда меня занимала.

И если чем-нибудь мне по-настоящему хотелось бы заниматься – не в жизни, разумеется – а в промышленно-производственном, научно-инженерном и тому подобном общественно-полезном разрезе – это сбор, разбор, разделение и промышленно-производственное употребление всякого рода издержек, отходов, брака, всякого уже ненужного и тому подобного «вторичного старья».

Утиль. – По-французски значит «полезный».

Важнее всего, конечно, *издержки общения*...

Важнее всего и страшнее всего. И смешнее всего...

Как нам эти отходы утилизировать?

2.

Сумасшедшие самые хитрые люди на свете.

Особенно настоящие сумасшедшие.

Не верите? Не помните?

Даже в детстве, в детском саду рассказывали анекдот:
Сумасшедший в сумасшедшем доме. На комиссии. Входит, тащит за собой на веревочке кирпич.

Из комиссии спрашивают:

– Что это у Вас?

– Это? Жучка, – и гладит кирпич, как собачку.

Комиссия качает головами, выносит вердикт: Болен. Держать по-прежнему взаперти.

Через некоторое время снова комиссия:

– Что это у Вас?

– А, это?... Кирпич...

– Ну, что же... Можно выписывать? Как вы думаете, товарищи?

– Да, да, можно...

А сумасшедший выходит из кабинета, гладит своего красного зверя:

– Жучка, Жучка, как мы их обманули...

Недоверность этой трогательной истории в том, что едва ли пациенту позволили бы в больнице держать и еще таскать за собой на веревке кирпич.

Даже если этот и тихий, – какой-нибудь другой пациент (не тихий) может украсть кирпич и воспользоваться...

И этой радости не дадут...

Не дай мне бог сойти с ума!

...А сами-то, сами-то небось не только кирпичи на веревках за собой таскают, и не только Жучками их зовут...

Еще сумасшедшие бывают очень жестокие люди. Беспощадные...

Но дело не в этом...

Я все же не совсем настоящий сумасшедший – у меня справки нет.

3.

Однажды утром, едва я пришел на службу и в первый раз вышел на лестницу покурить и вернулся, Елена Львовна вызвала меня к себе.

– Садись. – И подвинула мне стул против своего стола. – Все. Закрываемся...

И грустно улыбнулась.

Удивленный, я сделал вопросительное лицо.

Елена Львовна поставила передо мной чашку, подвинула банку кофе и сахар, дала ложку. Была она грустна, заботлива, я б даже сказал, нежна... Только стол стоял между нами...

– Да нет, пока не все... Не закрываемся... Перепрофилируемся... Извиняюсь за выражение... Хочу с тобой посоветоваться. Абортов мы больше делать не будем. Надо придумать какую-то замену. Одними УЗИ и восстановлением девственности (прости, Господи!) не проживешь. Так что ты на досуге подумай. Может быть, в твою туманную голову что-нибудь дельное случайно придет... Ты же, извиняюсь за выражение, тоже с верхним образованием. Конечно, я и сама давно уже знаю, что аборты это нехорошо, очень нехорошо, но знаю так же, что без этого, без прерывания нежелательной и случайной беременности не прожить... И не только нам, но и клиентам, клиенткам нашим... И кому-то нужно и этой гадостью заниматься... Не всем же в конце концов дано чистенькими быть...

...Я тоже не раз и много думал о сомнительной высоконравственности работы нашего заведения, но так же рассуждал: не мы это выдумали и насильно никого сюда не тащим... Да и какой сейчас труд, какой способ заработка честный?

Никакой! Даже если ты занимаешься чем-нибудь в высшей степени (прости, Господи!) *высоконравственным*, ты тем самым отнимаешь рабочее место у другого (прости, Господи!) *мыслящего растения*...

А Елена Львовна между тем продолжала:

– И все равно, пусть хоть и делается, но лучше без нас... Кстати, ты знаешь, кто меня в этом окончательно и бесповоротно убедил? Вразумил, научил и наставил?

Я ответил еще более удивленным выражением лица.

– Твоя подруга...

– Какая моя подруга?

– Рита. Мы с ней долго и не раз об этом говорили, даже коньяку раз бутылку вдвоем выпили...

Я едва не захлебнулся горячим кофе. Они знакомы! Как? Каким образом?

– Я к ней в гости приходила. Когда ты днем на смене был. Так что думай, чем будем заменять похабный заработок...

4.

Когда на другой день я приехал к Рите на все вопросы о ее беседах с Еленой Львовной она только смеялась:

– Ничему я ее не учила. Она все сама знала и понимала. Я только не мешала ей...

– Но как же вы познакомились? Где?

– Тебе это важно? – Я пожал плечами. – Ну, ладно, расскажу... Только чуть попозже...

– Когда?

– Ну, через полчаса... Или чуть больше, или чуть меньше...

Рита засмеялась, и я засмеялся.

Приблизительно через полчаса мы сидели на кухне и пили кофе с минеральной водой, я снова спросил:

– Как ты все же с моей милой начальницей познакомилась?

В самом деле, что за странности? Две бабы...

Да, я ревновал, снова ревновал и бормотал себе вроде шекспировского: *Отелло не ревнив, он доверчив* (Яго, кажется, это говорит, впрочем, точно не помню).

Как они познакомились? Оказалось, очень просто.

На *моей* почве.

Рита вычислила, где именно я работаю, что именно охраняю. Адрес. Телефоны. Ей давно уже не очень нравилось мое место работы.

Со мной про это она (как я понимаю по доброте своей) даже говорить не хотела, сама нашла Елену Львовну.

Дальше понятно. Рита умеет убеждать, да и Елене Львовне и самой все это давно не нравилось – аборт, то есть, не нравились...

Да, и мне тоже...

5.

В следующую мою смену я пошел к Елене Львовне и сказал:

– Я придумал. Кажется, придумал. Если понравится... Очень просто. Вчера делали аборт, сегодня делаем ремонт и не пойми что... А завтра давайте будем делать противоположное: бороться с абортами. И тем проживем.

Елене Львовне понравилось.

Снова пили кофе. Цветок на чашке был скромный. Просто эдельвейс.

На том и согласились: будем бороться.

Так теперь и живем. Боремся.

И в голове так: то нет никого, то все сразу,...

Жизнь продолжается!